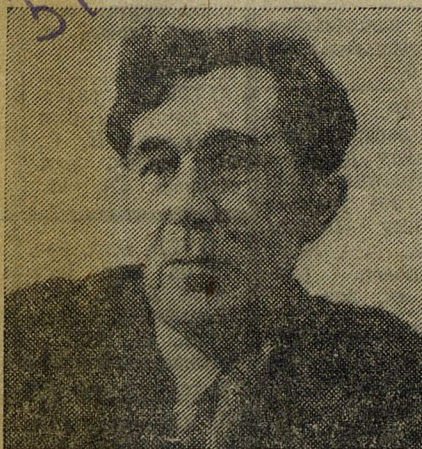

ЖИЗНЬ АКТЕРА

На днях заслуженному артисту республики Л. Н. Колобову исполнилось 65 лет, из них 42 года он работает в театре.

Ниже мы помещаем статью — воспоминания тов. Колобова.

Десятилетним мальчонкой меня пригнали в Москву к дяде и отдали в коммерческую контору. Хотели из меня сделать купца. Вскоре дядя мой умер, и я, оставшись в страшной нищете, поступил в контору к купцу Клепикову. Но меня уже в то время тянуло на сцену, я пропадал на любительских спектаклях. В конце концов меня выгнали со службы.

Моя профессиональная работа в театре началась с поездки в Пензу с Коршевской труппой, возглавляемой Н. А. Рудзевичем. Пробыли там два месяца и уехали. Я заболел брюшным тифом и больной приехал на родину, в Вологду, в свою семью.

Мой отец, высланный полицией в Вологду, служил в земстве и устроил ме-

ня туда же на 15 руб. в месяц. Служа в земстве, я играл в театре, получая по 20 коп. за спектакль. Кончилось это тем, что меня опять уволили со службы. Актер Озеров соблазнил меня поехать по мелким приволжским городишкам с концертами. Сборов у нас не было, бедствовали страшно. Помню, в одном селе — Красном — билетов было продано на рубль. Сидел исправник, и для него я читал «Записки сумасшедшего». Отменить спектакль нельзя: рубль на улице не валяется.

Необходимость заработка заставляла меня отказываться от многого. Я познакомился с артистами императорских театров. «Поступайте в театральную школу, — советовали они, — мы вас поддержим». Но меня в школу не приняли: не было образовательного ценза, — я ведь нигде не учился. Да и не мог я учиться без стипендии, потому что с 12 лет ни одной копейки ни от кого не получал.

Второй случай — еще досаднее. Когда я работал в Ярославле, туда приехал на гастроли К. С. Станиславский, выступавший еще в Обществе искусства и литературы. Он обратил на меня внимание. Позже, когда Станиславский формировал труппу для Художественного театра, он вспомнил обо мне. Меня разыскали, направили к нему. Я служил в Туле, занимал некоторое положение в театре, получал сравнительно приличное жалование. Станиславский предложил мне службу — 600 руб. в год. Когда я с ним встретился и начал объяснять, какие роли я играл в Туле, он мне ответил:

— Не надо мне ничего. Какие роли играли, забудьте. Вы ко мне идете учиться.

Скептики меня отговаривали: «Не ходи туда. Через месяц театр лопнет. Это — купеческая затея». Переломный стоял вопрос: если театр проторит, что же я буду делать? Пришлось отказаться.

Станиславский в ответ на мой отказ рассердился, потом схватил меня за брови (на мне брови были светлые и черный сюртук) и говорит: «А вот такие штаны теперь не носят к сюртку».

Ушел я от него сконфуженный, а он мне вслед пальцем грозит: «Вспомните когда-нибудь, да поздно будет». Потом мне передавали, что он метил меня на роль царя Федора.

Первым крупным театром, где мне пришлось работать, был Тифлисский театр. Там я застал блестящую труппу: Петровского, Лепковского, Паскалову, Мартынову. В Тифлисе служил актером Песонский, приглашенный вскоре на должность главного режиссера в Харьков. Он предложил и мне ехать туда.

Первый мой харьковский дебют был в комедии Эрбье «Тиски». После спектакля критика разругала меня в пух и прах. Второй дебют оказался столь же плачевным. В театре заметили мое настроение, утешали меня, говорили, что я буду любимцем публики. К концу сезона мнение обо мне изменилось — я стал работать в характерных ролях. Играли мы классиков, но в репертуаре было и много пустяков. Харьков в театральном отношении стоял выше многих других городов провинции. Здесь собиралась прекрасная труппа: Рыбаков, Милославский, Мартынов, Савина.

Нативителс 1905 год, на заводах шли забастовки, аресты среди студенчества. Мы, актеры, по-своему реагировали на события. В 1906 году я и П. В. Самойлов принимали особенное участие во всех нелегальных концертах. Один студенческий концерт остался у меня ярко в памяти. В дворянском собрании, которое помещалось в здании, где сейчас Дворец пионеров, я читал стихотворение «Бурлаки»:

По кремнистому берегу Волги-реки,
Надрываясь, идут бурлаки...

и дальше:

Эх, дубинушка, ухнем.

Обычно это читается, а я взял и задел. В зале подхватили. Забегали пристава, вызвали меня к полицмейстеру, объявили выговор.

Февральская революция застала меня в Курске. Я управлял коллективом. Оттуда переехал в Орел. Работал на табачной фабрике «Профинтерн», давал массу бесплатных концертов.

В 1923 году мне было присвоено звание заслуженного артиста Республики. Это звание я с гордостью ношу пятнадцатый год. Оно обязывает меня поло-

жить все свои силы, принести весь свой опыт, накопленный за годы предшествующей работы, служению задачам пролетариата.

Мне хочется отметить роль советской драматургии, формировавшей новые черты в нас, актерах. Я играл в пьесах М. Горького («Егор Булычев»), Л. Славина («Интервенция»), В. Гусева («Слава»), Зархи («Улица радости»), Погодина («Поэма о тоноре»). Работа над этими пьесами, воплощение на сцене новых образов дали мне огромное удовлетворение и во многом помогли моей перестройке, которая завершается в процессе тесного, непосредственного общения с рабочей и красноармейской массой.

Последние годы до Харькова я проработал в Сибири — в Кузбассе, в Анжерке, выезжал для обслуживания бойцов Особой Дальневосточной.

Счастливы тем, что опять вернулся в Харьков, где я проработал до революции 14 лет, и сейчас работаю 5-й год в театре Русской драмы.

Советский Харьков невозможно сравнить с Харьковом дореволюционным. Неузнаваемо вырос, изменился город.

Сорок два года отделяют меня от первых шагов на сцене. Моя жизнь вся принадлежит театру. Творческий метод у меня один — хорошо играть, жить на сцене жизнью образа. А сделать это можно, только горячо любя театр, отдавая ему всего себя без остатка. Советские актеры поставлены в исключительные условия. Постоянное общение со зрителем, строгим и требовательным, повышает качество нашей работы. Актер знает, что советский зритель с каждым днем растет, а значит и актер не может, не имеет права отставать. И мы растем, растем вместе с нашей страной, вместе с нашей прекрасной родиной.

Хорошо играть — вот мое производственное задание, цель моей жизни. Это — форма моего участия в строительстве социализма, в большом и ответственном деле воспитания нового человека социалистического общества.

Л. Н. КОЛОБОВ,
заслуженный артист республики.